

Выпускник Минской духовной семинарии 1908 г

священномученик Владимир Пастернацкий: верность Богу и служению.

Наталья Демчик, филолог, бакалавр богословия
(в журнале «Ступени» МинДС
статья была подписана под
псевдонимом Сусанна Смирнова)

«Дедушка Владимир после окончания семинарии приехал в Песочное к о. Феофану Сосиновскому, который к тому времени тяжело болел и уже не ходил. Дедушка ушел разговаривать с ним один на один. Потом вышел, попрощался и ушел. Отец Феофан подозвал к себе дочку Наташу и сказал: «Ты видела, кто к нам приходил?» — «Видела». — «Так вот ты пойдешь за него замуж». — «За такого высокого, черного, страшного? Нет, я не хочу, не буду». — «Никаких разговоров. Все». Раз отец сказал... Начали готовиться к свадьбе. Дело было зимой. Запрягли сани и поехали в Вильнюс, купили бабушке швейную машинку «Зингер» и постельное белье. Дедушке на свадьбу подарили лошадей и хорошую книжную библиотеку. Позже этой библиотекой пользовалась вся деревня, за что дедушке были очень благодарны. После свадьбы жили в Песочном, дедушка Владимир служил в местной церкви».

*Из воспоминаний внучки
священномученика Владимира Пастернацкого
Татьяны Романовны Хмелевской.*

Послушание родителям и духовному наставнику является одной из главных христианских добродетелей. Именно эта добродетель стала в основании супружеской жизни будущего священномученика Владимира

Илларионовича Пастернацкого и его супруги матушки Натальи Феофановны, в девичестве Сосиновской. Их семейное счастье строилось на христианских идеалах веры, послушания, смирения, Богопочитания, почтения к родителям и духовным наставникам.

Будущий пастырь родился в белорусской деревне Дудичи (сегодня она известна своим музеем этнографии и ремёсел "Дудутки"), недалеко от Минска, 2 июля 1885 года в потомственной дворянской семье, перешедшей в духовное сословие. Отец и дед – оба Илларионы – были священники, ревностные пастыри на ниве Христовой.

Село Дудичи известно с 17 века своей чудотворной иконой Божьей Матери "Дудичская". По преданию, образ явился на берегу реки Птичь у деревни Дудичи Игуменского (современного Червеньского) повета на сосне на месте сгоревшей церкви. В 1780 году икона была принесена в Свято-Покровскую церковь. Множество паломников стекалось к этой святыне, они получали исцеления, о чём свидетельствуют воспоминания о посеребренных подвесках на иконе и о крестных ходах на коленях с иконой вокруг храма. В 1891 году храм и икона были уничтожены пожаром, но в одном благочестивом семействе сохранилась точная копия и её перенесли в отстроенную церковь.

В 1870 году в родовом имении Дудичи возвратился из долгих странствий по Европе "белорусский Паганини" - скрипач и композитор Михаил Ельский. Рядом, в Замостье, находилась усадьба его брата - этнографа, коллекционера и писателя Александра Ельского. Братья собирали вокруг себя образованных и интеллигентных людей своего времени. Возможно и семья Пастернацких была с ними дружна, священники были очень почитаемы тогда в округах.

Всё детство маленького Владимира было связано с храмом: он пел на клиросе, прислуживал в алтаре, был свидетелем чудесной помощи от чудотворного образа, и может быть участвовал в тех упомянутых крестных ходах на коленях вокруг храма. Под влиянием достойных примеров отца и деда в нём укреплялась вера, и росло искреннее желание посвятить себя пастырскому служению.

Окончив Минскую Духовную Семинарию Владимир обвенчался с Натальей Сосновской, выпускницей Минского женского епархиального училища, которое воспитало многих смиренных и верных спутниц священников того сложного времени. Наталья была дочерью священника Феофана Сосновского, настоятеля храма Святых Апостолов Петра и Павла д. Песочное Слуцкого уезда Минской губернии. Она также происходила из священнического рода. Дед-священник был настоятелем храма в Старом Свержене и отцом 16 детей, из которых о. Феофан, отец Натальи, служил в Покровском храме села Песочное. Известно, что первое упоминание о нём относится к 16 столетию.

Владелец этих мест отец святой Софии Слуцкой князь Юрий Олелькович получил грамоту от польского короля на основание этого местечка. Оно находилось под покровительством св. праведной Софии, княгини Слуцкой! В Песочном были две церкви: Дмитриевская и Покровская.

Настоятелем этого прихода стал и рукоположенный в 1908 году отец Владимир Пастернацкий, сменивший престарелого уже к тому времени о. Феофана. Надо отметить, это была традиционная практика, повсеместно принятая в тогдашней Русской церкви: муж дочери немощного священника занимал место его служения. Здесь отец Владимир и матушка Наталия провели в служении Богу и людям целых 24 года. У них было восемь детей. Четверо — Филипп, Мария, Андрей, Ольга — родились до революции, и еще четверо — Елена, Дмитрий, Виктор, Анастасия — в годы гонений.

Из воспоминаний внучки отца Владимира Нины Фёдоровны Чмыревой о царящей в семье атмосфере любви, взаимопонимания, уважения и строгости воспитания: *«Дедушка был заботливым отцом: участвовал в жизни своих детей, в их воспитании. Наша мама Мария рассказывала, что бывали случаи, когда она, возвращаясь домой позже положенного, отводила стрелки ходиков обратно. Однажды дедушка Владимир застал ее за этим занятием. Он ничего не сказал, но маме потом было стыдно за этот поступок всю жизнь... Второй их сын, Андрей, рос очень болезненным. Врач настаивал: «Чтобы выжить, мальчику категорически нельзя нервничать». Поэтому в семье все старались уступать слабому Андрею. Однажды он подошел к дедушке и говорит: «Хочу твои часы». Часы были добротные, карманные на цепочке, как раньше носили. Дедушка безоговорочно достал их и отдал Андрею. Через несколько минут те были разобраны по винтику... От дедушки никто не слышал никаких нареканий. В семье Владимира и Натальи Пастернацких у всех детей были свои обязанности. Как старшая дочь, мама должна была следить за чистотой и младшими детьми. Этажерок и полочек в доме было много, приходилось их часто протирать. Когда отец Владимир возвращался после трудового дня домой, обязательно проверял, кто как исполнил свои обязанности...».*

В 20-е годы о. Владимир был назначен благочинным Копыльского района Минской области. Авторитет среди духовенства и прихожан его был велик. Но вот атеистическая богоборческая власть всячески старалась подорвать и без того бедственное положение приходов всевозможными мерами, в частности - огромным налогообложением. И хотя годы нэпа (новая экономическая политика) стали своего рода послаблением, однако они продлились недолго. После начала трагической коллективизации в деревнях на жизнь приходов было обращено особое и жестокое внимание властей.

Налог на церковь был невыразимо велик. Старшие дети Пастернацких, которые к тому времени уже сами работали и жили отдельно от родителей, искренне старались помочь отцу погашать налог, однако даже их совместно собираемых средств не хватало. В 1931г. приход не смог выплатить установленную сумму. Взамен неуплаченного налога у Пастернацких забрали корову, единственную кормилицу их трёх малолетних детей. Но это было только началом их скорбных испытаний.

Притеснения не прекращались.

В 1932 г. храм в Песочном был закрыт и через некоторое время разрушен, а о. Владимир после смерти малолетнего сына Димитрия с семьёй переехал в Копыль, где служил в Спасо-Вознесенском храме. Время было тяжёлое. Повсеместные аресты и расстрелы священнослужителей создавали удручающую картину господствующего террора: с 1933г. на весь Копыльский район оставался единственный православный священник - Владимир Пастернацкий. Он был слишком уважаем среди мирян и духовенства, его не могли взять и просто так убить. Гонения на него имели тонкий и изощрённый характер: его неоднократно вызывали на допросы в НКВД и требовали публичного отречения от веры и Церкви, шантажировали, угрожали, приходили с обысками домой, предлагали хорошую светскую должность бухгалтера в случае, если снимет с себя крест священника и согласиться на сотрудничество с властью. «Отречешься или исчезнешь без следа», – прямо говорили отцу Владимиру в НКВД (вспоминали его дети) ... Старший сын Филипп был уволен с работы и в течение девяти месяцев не мог устроиться на работу. Под давлением жили и старшие дети: их лишали возможности устраиваться на работу.

Жить под постоянными угрозами и при этом сохранять ясность мысли, стойкость своих убеждений и непоколебимую веру в окружении торжествующего воинствующего атеизма было не под силу многим людям. О. Владимир держался твёрдо и уверенно. На семейном совете они обсудили с матушкой положение вещей и совместно единогласно решили не отречься от священства и нести свой крест.

Власти лишили о. Владимира всех прав, обложили большим налогом, исключили из школы младших детей как детей врага народа, старшего сына уволили с работы. Но пастырь Христов продолжал смиренно нести служение, он по-прежнему смело и открыто исполнял требы по всему району, крестя детей и отпевая умерших – ведь он был единственным священником на весь Копыльский район! В таких постоянных поездках у него была реальная возможность выехать: граница с Западной Белоруссией была рядом. Но этого он не сделал – не мог оставить паству в такое скорбное время.

И вот первый арест. Он случился в марте 1936 года, спустя несколько дней после похорон матери отца Владимира. Обвинение: «самочинно осуществлял административные процедуры» (т. е. регистрировал всех, кого крестил или отпевал). За такое «ужасное преступление» его посадили в тюрьму на 2 года. Матушка Наталья с тремя детьми осталась одна, без всяких средств. Но благодарные прихожане не оставили их в беде: потихоньку носили к дому священника продукты. Дочь Анастасия вспоминала об этом: *«Нам просто люди не дали умереть. Постучат, картошку под двери поставят, а сами тихонько уйдут».*

В конце 1937 года отца Владимира отпустили. Матушка жила к тому времени в г. Рославле Смоленской области. Вновь арестовали исповедника Христова на следующий же день, предоставив обвинение в контрреволюционной пропаганде и шпионаже в пользу Германии. Обвинительные чудовищные показания давал хозяин съемной квартиры, на которой жила матушка: *«Пастернацкий среди нас проводил контрреволюционную агитацию, которая выражалась в том, что он говорил, что он сидел в тюрьме совершенно напрасно, что советская власть притесняет всех граждан, соблюдающих религиозные обряды, а особо попов всех сажает в тюрьмы».*

23 декабря 1937 года следователь допросил отца Владимира. Сохранился диалог допроса:

«— В 1920 году в нашем местечке находились белополяки, 12 июня 1920 года во время отступления белополяков красные партизаны стреляли по автомобилю польского полковника. В результате наше местечко было оцеплено польскими войсками, и белополяки взяли человек сорок крестьян заложниками, и вместе с этими крестьянами был взят и я. Когда я находился у белополяков, то у нас выпытывали, кто стрелял по автомобилю. После чего нас освободили.

— Следствием установлено, что вы являетесь агентом немецкой разведки, то есть имели тесную связь с немецкой комендатурой. Дайте правдивые показания.

— В 1918 году в местечке Песочное находились немецкие войска, и в моем доме в течение девяти месяцев находилась немецкая комендатура. Агентом немецкой разведки я не являлся и не являюсь.

— По показанию свидетелей вы достаточно изобличаетесь в том, что, будучи враждебно настроены по отношению к советской власти, среди окружающего населения проводили контрреволюционную агитацию. Признаете ли себя в этом виновным?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

– Следствием установлено, что вы 13 декабря 1937 года, находясь в квартире, где присутствовали хозяева данного дома и квартиранты, среди них проводили контрреволюционную агитацию и говорили, что советская власть всех притесняет и не дает соблюдать религиозные обряды; говорили, что советская власть просуществует недолго, то есть явно предсказывали гибель советской власти. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– Виновным себя в этом не признаю».

5 января 1938 года о. Владимира приговорили к расстрелу... В личном деле есть запись о том, что приговор был приведён в исполнение 21 января 1938 года в 17 часов. После войны матушка Наталья стала ходатайствовать о реабилитации отца Владимира. В 1958 году она писала в Прокуратуру СССР: *«Прошу реабилитировать моего мужа... Я в корне не согласна с тем положением, в котором погиб мой муж. Он был не вор, не хулиган, не убийца и не враг народа, а ревностный проповедник Евангельской Истины, благовествующей мир и любовь между людьми»*. Лишь в 1956 году матушка Наталья получила свидетельство о смерти мужа, где отмечалась смерть от паралича сердца. Наталья Феофановна так и не узнала о том, что ее муж был убит. Эта горькая правда стала известна только дочери о. Владимира – Анастасии Старостиной (Пастернацкой) спустя многие годы после трагедии.

Дети отца Владимира, которого именовали "врагом народа", стали достойными сынами своего Отечества, мужественными защитниками Родины: сын Андрей погиб на финской войне, а Филипп был убит в годы Великой Отечественной войны на польской земле

Сын отца Владимира Виктор, окончив Московскую духовную семинарию, прислуживал в роставльском храме, но священником не смог стать: он ухаживал за больной престарелой матерью до конца её жизни. Они и похоронены рядом в Рославле.

В годы войны старшая дочь отца Владимира Мария, переехав из Минска в Песочное, стала связной партизанского отряда имени Чапаева. После освобождения деревни Мария Владимировна снова вернулась в Минск, где швейей, работала в ателье на тракторном заводе. Научила её этому мастерству матушка Доминика Новицкая – вдова-супруга священномученика Валерьяна Новицкого, с которой они дружили.

Священномученик Владимир Пастернацкий причислен к лику местночтимых святых Беларуси в 1999 году, в 2000 году прославлен Собором Русской Православной Церкви в числе 23-х новомучеников Минской епархии.

Читаем интересные поучительные воспоминания внучек о. Владимира – Нины Фёдоровны и Татьяны Романовны (из интервью Вадима Янчука и Татьяны

«...Т. Р.: Бабушка говорила, что выжили только благодаря помощи односельчан: они приносили картошку, ставили на порог, стучали, а сами уходили. После перевода в Копыль дедушка часто ездил по приходам хоронить, крестить, венчать. Порой не слезил с саней, постоянно куда-то уезжал.

Его уговаривали, чтобы он отказался от сана, прилюдно отрекся от Христа. Предлагали работать бухгалтером. К должности прилагались хороший оклад и обещание сохранить жизнь. Но дедушка отказался: «Я от сана не отрекусь». А бабушка его поддерживала: «Это нам дан от Бога крест, и мы должны нести его и не отказываться».

Н. Ф.: На детей, конечно, оказывалось давление, особенно на старших.

Т. Р.: Тяжело было устроиться на работу — не брали. Приходилось скрывать, что они — дети священника. Однажды произошел такой случай. Мама работала в военной столовой, вышла и увидела нашего односельчанина из Песочного. Подошла к нему и попросила: «Дядька Тимох, побудьте моим папой сейчас. Можете?» Он согласился. Привела она его в столовую, его накормили, табака дали. Он, в свою очередь, расспросил, как его «дочь» себя ведет, хорошо ли трудится... В столовой как раз обедал один военный человек, который ухаживал за мамой. После этого случая он маме говорит: «Вот хорошо, что я видел твоего отца, я теперь смело могу на тебе жениться». Она промолчала, ничего не сказала, а про себя подумала: «А если ты настоящего отца увидишь, что тогда скажешь?» В то время священники уже преследовались...

Н. Ф.: У мамы в паспорте стояла буква «К», обозначающая «компромат».

Т. Р.: И она за это очень страдала. Ее и младшую сестру Ольгу хотели выселять из Минска, потому что они были дочерьми священника. После того как они вышли замуж и поменяли фамилию, жить стало легче. Дядю Филиппа как сына священника уволили, девять месяцев он не мог устроиться на работу. А дядя Андрей окончил бухгалтерские курсы, и его направили в деревню Дудичи, на родину дедушки. Но там к нему люди хорошо относились, помнили отца Владимира Пастернацкого. После ареста дедушки бабушка собрала младших детей, сложила одежду, фотокарточки и переехала в Рославль к дочери Ольге. После освобождения туда приехал и дедушка. Правда, всего на один день. На следующее же утро его вновь арестовали... Во

время Великой Отечественной войны дом сгорел, в послевоенные годы жили в землянке. Потом дом отстроили, и после смерти бабушки там доживал дядя Витя. В 1956 году бабушка писала в прокуратуру: доказывала, что дедушка не вор, не бандит, не разбойник, не убийца, а был репрессирован за веру. Дедушку потом реабилитировали, прислали подтверждающий документ. К слову, всего приходило два документа: в первом указывалось, что в 1938 г. Владимира Пастернацкого убили, а во втором — что 5 января 1942 г. он умер от сердечного приступа. Уже, выходит, мертвый умер.

Т. Р.: Доминика Игнатъевна была хорошая швея и маму научила шить. Могилы Доминики Игнатъевны, их сына и дочерей находятся на Чижовском кладбище в Минске. Каждый раз, когда там бываю, подхожу поклониться...

Н. Ф.: Мы жили очень дружно. После войны все дети и внуки постоянно собирались у бабушки, помогали дяде Вите строить дом.

Т. Р.: Дядю Андрея после Дудичей перевели в Минск, в Уручье. Потом он сражался на Финском фронте, где и погиб.

Н. Ф.: Дядя Филипп погиб во время Великой Отечественной войны. В Варшаве, на памятнике солдатам, погибшим за освобождение Польши, написано его имя. Дядя Витя окончил Загорскую духовную семинарию, но священником не стал. Вернулся в Рославль, до самой смерти смотрел нашу бабушку Наталью, там и похоронил ее. И до конца жизни прислуживал в церкви. Для меня, во всяком случае, он тоже святой. Он был очень скромный по жизни. Постился, вычитывал все молитвы (по два часа утром и вечером молился), на все службы ходил. Но оставался очень деликатным, кротким, никому никогда ничего не навязывал. Мне кажется, только святой так может: не давить, а с любовью принимать человека, который рядом...

Т. Р.: Я после окончания медучилища три года проработала в Томске. Вернулась в Минск, некоторое время трудилась в больнице тракторного завода, затем более двадцати лет в лечкомиссии, в отделении неотложной помощи.

Н. Ф.: Я окончила минский радиотехнический институт по специальности инженер-электрик по вычислительным машинам и персональным компьютерам и большую часть жизни проработала по специальности. Муж, кандидат наук, доцент, также в этой сфере работал. Сын и невестка пошли по этой же стезе.

Н. Ф.: Во время войны нашей маме приснился необычный сон: она выходит во двор своего дома, видит, что все небо полыхает, и среди этого огня икона

Иисуса. Иисус говорит ей: «Не спасайтесь». Днем начался авианалет, бомбили соседние дома. Начался пожар, в самом доме было жарко находиться. Стала она пытаться все из дому выносить... и наступила на гвозди. Долго заживали раны, жалела потом. Бог же сказал: «Не спасайтесь».

Т. Р.: *Еще о двух случаях помощи дедушки рассказывал наш двоюродный брат-летчик Володя. Первый случай произошел во время военных учений. В небе летали самолеты, а они стояли с коллегами на крыльце, беседовали. Один из курсантов ошибся кнопкой и нажал на «выстрел»... В это время Володю позвали к телефону, и вся компания разошлась. Выстрел пришелся в пустое крыльцо...*

Второй случай произошел, когда Володя стеклил балкон. Во время работы перегнулся и... К счастью, он смог зацепиться за что-то, подтянуться и перелезть обратно. Сказал, что «это только дедушка меня спас»...

Н. Ф.: *Дома у меня стоит икона, которую нам подарили на прославлении, и дедушкина фотография.*

Т. Р.: *Я дедушку и прадедушку каждый день вспоминаю. Молюсь и прошу, чтобы они мне дали правнуков. Мне больше ничего не надо.*

Н. Ф.: *А я чувствую свою вину, что у нас нет такой веры, как у бабушки и дедушки. Когда моя внучка Маша училась в гимназии, мы с ней изучили нашу родословную — у них проходил конкурс родословных. Генеалогическое дерево нашего рода оказалось самым разветвленным, с самыми глубокими корнями. Работа заняла первое место в районе. После этого я Маше сказала, что она будет хранительницей наших архивов. «Да-да, бабушка, я обязательно буду».*

Т. Р.: *Дедушка сказал: «Я от сана не отрекусь». И не отрекся. Теперь нам хорошо. И если что-то случится, то можно попросить помощи, и дедушка всегда поможет».*

Священномучениче Владимире, моли Бога о нас!

Ссылки фото:

https://yandex.by/images/search?cbir_id=1769624%2FoW9Tz8qN1W9og2MEQJf4ww&cbird=5&rpt=imageview&redircnt=1547562084.1

<https://obitel-minsk.ru/assets/images/read/2017/inside/vernye-xristu-vladimir-pasternackij-6.jpg>

https://yandex.by/images/search?cbir_id=1553597%2FpqER5Sp0OHZNoC4_44v7hg&cbird=5&rpt=imageview&redircnt=1547562430.1

1908г. С отцом священником Илларионом Пастернацким.

Минская Духовная Семинария в годы студенчества о. Владимира Пастернацкого. Нач. XX в.

Духовное училище.

Здание практически сохранилось, ныне это Революционная, 2. На сегодняшний день одно из самых старых зданий в городе. Здесь в разное время были прописаны аптека, почта, мужское духовное училище, в 1921-24 гг. располагался Институт белорусской культуры - прообраз Академии наук, позже - НКВД и прокуратура. Теперь - научно-просветительский центр имени Ф. Скорины.

источник: http://gorodminsk.blogspot.com/2016/01/blog-post_66.html?m=1

1928г. г.Узда. В центре еп.Филарет (Раменский), слева-о.Михаил Новицкий, далее о.Иустин Гахович. Справа-о.Владимир Пастернацкий. Верх.ряд 4-й слева о.Валериан Новицкий, о.Александр Корзун